

УДК 821.161.3.09«15»

А. В. Брезгунов

<https://orcid.org/0000-0002-1347-8690>

Имплицитное выражение авторского самосознания у Франциска Скорины

Для цитирования: Брезгунов А. В. Имплицитное выражение авторского самосознания у Франциска Скорины // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 165–171. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-165-171

Цель статьи – обосновать наличие имплицитных форм выражения авторского самосознания в творчестве Франциска Скорины, наиболее выдающегося представителя белорусской культуры XVI в. Выбор личности просветителя связан с тем, что именно в его творчестве фиксируются наиболее ранние проявления авторского самосознания в белорусской письменности. Анализу предшествует вводная часть, в которой представлен краткий обзор степени разработки понятия «авторское самосознание» в современном литературоведении. В первой части статьи заявленная проблематика рассмотрена через призму поэтических экспериментов Ф. Скорины, обнаруженных нами в его предисловиях к переводам книг Библии. Поэзия как специфическая область творчества позволяет наиболее точно выявить скрытые проявления авторского самосознания. Во второй части авторское самосознание рассмотрено в контексте популярного жанра церковной лирики – акафиста, а точнее его кондакарной части. Несмотря на канонный статус акафиста, он, в силу своей поэтико-мелодической природы, допускал определенную свободу в организации материала. Автор статьи приходит к ряду выводов. Первый: имплицитные проявления авторского самосознания у Ф. Скорины дуалистичны по своей природе, их адекватная интерпретация возможна только в сочетании с внетекстовой информацией культурного контекста. Второе: в своих предисловиях Ф. Скорина обращается к приемам тонического и силлабического стихосложения, что не только позволяет ему акцентировать внимание читателя на важных для него смыслах, но и обнаруживает авторскую установку просветителя на говорной акцентный стих, традиционный для простого человека. Третье: в кондакарном стихе акафиста Ф. Скорина обращается исключительно к эксперименту с ритмом.

Ключевые слова: автор, авторское самосознание, акафист, белорусская литература, имплицитность, поэзия, силлабика, Ф. Скорина, стихосложение.

A. V. Brezgunov

Implicit expression of the author's self-awareness in Francysk Skaryna's works

The aim of the article is to substantiate the presence of implicit forms expressing the author's self-awareness in the works of Francysk Skaryna, the most prominent representative of the 16th century Belarusian culture. The choice of this personality is connected with the fact that the earliest manifestations of the author's self-awareness in Belarusian literature can be found in his works. The analysis is preceded by an introductory section, which provides a brief overview of the extent to which the concept of «the author's self-awareness» has been developed in contemporary literary studies. In the first part of this article we consider the problems through the prism of F. Skaryna's poetic experiments, which were found in the prefaces to his translations of the Bible. Poetry as a specific field of creativity allows us to most accurately reveal the hidden signs of the author's self-awareness. In the second part the author's self-awareness is regarded through a popular genre of church lyrics – the akathist, namely, its kontakion part. Despite the canonical status of the akathist, due to its poetic and melodic nature, it allowed a certain freedom in organizing the material. The author comes to a number of conclusions. The author of the article made a number of conclusions. Firstly, the implicit manifestations of the author's self-awareness in F. Skaryna's works are dualistic in nature, their adequate interpretation is only possible in combination with extra-textual information of the cultural context. Secondly, in his prefaces F. Skaryna uses the methods of tonic and syllabic verse which not only allows him to focus the reader's attention on the important meanings, but also reveals the author's attitude to spoken accented verse, traditional for common people. Thirdly, in the kontakion verse of acathistus F. Skaryna deals exclusively with the rhythmic experiments.

Key words: author, author's self-awareness, akathist, Belarusian literature, implication, syllable-tonic poetry, F. Skaryna, versification.

Введение

Вопросы развития авторского самосознания от раннего Нового времени до конца XVIII в. редко оказываются в фокусе литературоведческого анализа, поскольку авторское самосознание наиболее отчетливо начинает проявляться в эпоху романтизма [Прозоров 2004, с. 71–72]. Незрелость авторского начала в средневековом искусстве, как известно, была обусловлена а) стремлением к высказыванию коллективного чувства/отношения к объекту изображения, в силу чего решающее значение имел жанр произведения, а не его автор [Лихачев, 1996, с. 60–61], а также б) сведением единичного к общему (известному и авторитетному), отношением описанного события или явления к определенному разряду [Конявская 2000, с. 25]. Средневековый автор писал «как надо», что было обусловлено традиционалистским типом его художественного сознания.

Вместе с тем очевидно, что авторское самосознание не было чем-то статичным, поскольку к середине XVIII в. в письменности произошли такие качественные изменения, которые позволяют вести речь о зачатках творческой индивидуальности автора. Что же понимать под авторским самосознанием применительно к рассматриваемой эпохе? Ответ находим в исследовании Е. Л. Конявской: «в самом общем плане можно сказать, что речь идет о сознании книжника как писателя» [Конявская, 2000, 5]. Далее исследователь замечает, что в каждом конкретном случае феномен связан с социальными, политическими, личностными и ментальными установками писателя. (Здесь отметим, что в литературоведении нет единого взгляда на соотношение понятий авторского «самосознания» и «сознания». Нам ближе подход российских исследователей Г. Забродиной и В. Кирюшкиной, по мнению которых «авторское сознание на самом деле всегда *самосознание*» [Забродина, Кирюшина]. Речь, очевидно, о явлении одного порядка, воспринятом субъектно (самосознание) или внесубъектно (сознание)). Подобная позиция находит отражение и в исследованиях украинских ученых. Например, Н. Мирошниченко считает, что «авторское сознание не только эксплицируется в тексте произведения, но существует еще и в дотекстовом периоде замысла, и не исчезает с завершением произведения» [Мирошниченко, 2014, с. 117].

Как видим, реализация авторского самосознания не сводится исключительно к произведению. Ему присуща некая дотекстовая составляющая, которая не всегда обнаруживается в самом произведении, однако может быть выявлена методом герменевтического и феноменологического анализа. Как заметил в свое время Е. И. Шендельс, «...наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая область имплицитной передачи информации. Она подобна той части айсберга, которая скрыта под водой» [Шендельс, 1977, с. 109]. Для обозначения этой скрытой части, которая не может быть обнаружена в произведении путем его прямого прочтения, мы прибегнем к понятию «имплицитное выражение» авторского самосознания.

В случае старобелорусской письменности важное значение для дальнейшей эволюции авторского самосознания имели XVI и XVII столетия. Это было время творческого взаимодействия двух письменных традиций – западной и восточной, возрастания жанрового, идейно-тематического, языкового разнообразия литературы (произведения на церковнославянском, старобелорусском, латинском и польском языках). С XVI в. связано ускоренное развитие светской письменности, возникновение собственно литературного творчества. Ярчайшим представителем ренессансной книжности Беларуси был Ф. Скорина, к рассмотрению авторского самосознания которого в заявленном ключе мы и обратимся далее.

Силлабо-тонические опыты в предисловиях Ф. Скорины

Наряду с хорошо известными (из предисловий к книгам Юдифи и Эсфири), в предисловиях Скорины можно найти и ряд незамеченных ранее исследователями стихов, которые по своим художественным качествам могут быть отнесены к первым опытам силлабической поэзии. В предисловии к Псалтири можно выделить, по крайней мере, два из них. (Здесь и далее разбивка на строки, указание в скобках количества силлаб, жирные и курсивные выделения наши. – А.Б.)

1. *Псаломъ ест всея Церкви единый гласъ,* (11)

свята украшаетъ. (6)

Псаломъ всякую противность, еже ест, (11)

Бога ради усмиряетъ. (8)

2. Псаломъ ест ангельская песнь, (8)
духовный темьянь: (5)
вкупе тело пенцем веселить, (8)
а душу учить (5) [Скарына 1990, с. 17].

Как видим, в первом стихе рифма присутствует в четных строках (*украшаеть – умирятъ*), количество силлаб сопоставимо: 11-6-11-8. Второй стих в первых двух строках рифмы не имеет, в последующих она условная (зависит от ударения: *веселить – учить*, или: *веселить – учить*), зато в его строках выдержан изосиллабизм: 8-5-8-5.

Каким образом достигается стихоподобность прозаического текста, можно проследить на примере другого ритмизированного отрывка из предисловия к Псалтири. Сначала приведем сам пример, плавно перетекающий из прозы в стих:

*Суть бо в ней псалмы якобы сокровище всихъ
драгыхъ скарбовъ: всякии немощи, духовнии и
телеснии, уздравляютъ,
душу и смыслы освещаютъ,
гневъ и ярость умирятъ,
миръ и покой чинятъ,
смутокъ и печаль отгоняютъ,
чувствие в молитвахъ даютъ,
людей въ приязнь зводятъ,
ласку и милость укрепляютъ,
бесы изгоняютъ,
ангелы на помощь призываютъ* [Скарына, 1990, с. 17].

В данном примере условные строки, за исключением последней, трехчленные, количество слогов колеблется от 6 до 10. Если же представить количество слогов в порядке их последовательности, обнаруживается закономерность (9-8-6, 9-8-6, 9-6-10), объясняющая ритмическую гармонию стиха. Рифмовка в данном стихе выглядит следующим образом: *aab aab aaa*. Гармония, ко всему, связана и с количеством ударных самостоятельных слов в строке: 3-3-3-3-3-3-2-3. Их количество в предпоследней строке служит для передачи паузы, акцентации внимания на заключительной фразе. Не исключено, однако, что пауза понадобилась автору для создания «временного зазора» между словами *ангелы* и *бесы*, или же для каденции предпоследнего стиха в противопоставление антикаденции предыдущего. Данные особенности свидетельствуют, что стих имеет приметы как тонической, так и силлабической организации стихового материала. При этом отметим, что тоника стиха тождественна не той, которая присуща славянской и немецкой поэзии (под ударение падают отдель-

ные слоги), а той, которая характеризует еврейское тоническое стихосложение (под ударением оказываются целые слова) [Олесницкий, 1873, с. 559–560].

Не был ранее замечен исследователями еще один образец стихотворного наследия Скорины, – вариант декалога (первый находится в предисловии к Книге Исхода), помещенный в аннотации к 19-й главе Книги Левит: *«абы люди святы были, // отца и матеръ чтили, // свята святили, // идоловъ не хвалили, // жертвы Богу приносили, // милостыню делали, // не крали, не лгали, // не присегали, // мзды не задерживали, // не проклинали»* [Книга Лявіт, 2014, с. 115].

Данный стих не имеет примет изосиллабизма, однако его ритмическая организация свидетельствует, что мы имеем дело с акцентным говорным стихом. Это подтверждается как количеством самостоятельных слов в строке (3-3-2-2-3-2-2-1-2-1), так и схемой рифмовки: *aaaaabbbb*.

Касательно стиховых структур непосредственно в тексте самого скорининского перевода Библии (т. н. библейского стиха), необходимо помнить: любой перевод Библии одновременно является и ее объяснением. А это значит, что основным требованием к переводу выступает экзегетическая точность, а не лингвистическая эффективность или художественное совершенство. Возможны были, однако, и иные способы отношения к тексту Священного Писания, очерченные белорусским исследователем Л. В. Левшун, наряду с типологической экзегезой, как методы аллегорической амплификации и обратной типологии [Левшун, 2009, с. 117–128]. Поэтому чрезвычайно важно, что Скорина смог проявить индивидуальные поэтические способности не только в предисловиях, но также и в текстах переводов восьми книг Библии – Псалтири, Иова, Притч Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Премудрости Божией, Плача Иеремии, Иисуса Навина.

Что же понимал Скорина под стихами? В предисловии к Книге Иова находим: *«...поченши от третиея главы даже до останочное вся сия книга стихами розделена ест, якоже, чтучи, поразумеешь»* [Скарына, 1990, с. 20]. В предисловии к книге Притч Соломоновых: *«А пишется сия книга тым уже обычаемъ, яко и Псалтырь, и Иовъ, и Иисусъ Сираховъ, понеже кожда глава делится на притчи, якобы на неякии стихи, или розделения»* [Скарына, 1990, с. 23]. Наконец, в обоих изданиях Псалтири – пражском (1517) и виленском (1522) – после псалмов размещены

избранные *песни* из книг Ветхого и Нового Заветов. Как видим, то, что традиционно принято называть библейским стихом, у Скорины передается четырьмя разными определениями – *стихи, притчи, разделения, песни*. Разумеется, «стихи», как замечает Н. Гринчик, стоит понимать в их изначальном, взятом из греческого языка значении – ‘строки’ [Грынчик, 1989, с. 144]. Соответственно, «стих» – это размещение строк не в сплошном наборе, а в столбец. Подобное понимание стиха, однако, кажется нам суженным. Как отмечалось выше, к разряду *стихов* автор относит притчи, характеризуя их как *разделения*, это значит, строки, а избранные отрывки из Библии, размещенные после Псалтири, называет *песнями*. Очевидно, что в понимании Ф. Скорины *стихи* – не только собственно строка, но и какое-то завершенное текстовое единство с некими характеристиками. Что же это за характеристики? Упоминание книг Притч Соломоновых, Иова и Иисуса Сирахова дает частичный ответ на данный вопрос. Основанием для отнесения этих книг к числу содержащих *стихи* для Скорины является их притчевость, афористичность, что подтверждает также цитата из предисловия к Книге Иова: «*почениши от третиея главы даже до останочное вся сия книга стихами розделена ест*» [Скарына, 1990, с. 20]. Из этого следует, что первые две главы к *стихам* Скорина не относит, поскольку они представляют собой обычный рассказ о том, каким образом Иов оказался в своем плачевном положении. В предисловии к книге Притч Соломоновых Ф. Скорина приводит в своем переводе стих 4:32 из 3-й книги Царств: «Мовиль же ест царь Соломонъ притчей три тысеци и сопсаль своего складания **стиховъ** пять тысецей» [Скарына, 1990, с. 22]. В других известных переводах XVI в. (Вульгата, Венецианская Библия 1506 г., Кралицкая Библия 1556 г., Брестская Библия 1563 г., Острожская Библия 1581 г.) на месте слова «стиховъ» находим **carmina, skládaniĵ, piĵsnij, piešni, песни** соответственно. Из чего вытекает, что во всех переводах, кроме Венецианской Библии, имеются в виду именно песни. В свое время П. Берков небезосновательно считал, что «в понимании Скорины приметой поэтического стиля Библии являются стихи и песни. Это, видимо, не потивопоставление, а отличие по характеру исполнения: песни, которые также состоят из стихов, поются; просто стихи – читаются» [Беркаў, 1968, с. 254].

Определение песен дал в Аргументе к «Книге Псалмов» С. Будный в Брестской Библии 1563 г.:

«а книга эта написана тем способом, каким имеют обычай писать поэты... А обычай писания, каковой в этой книге, весьма красив, мил и большой силы, но все же весьма тяжел, ибо не соответствует общепринятому, обычному языку» [Biblia Brzeska, 2003, с. 515]. Постоянное колебание между ритмизированной прозой, силлабическим и тоническим стихом придает неповторимость скорининским предисловиям и переводам. Стилистика автора близка той, о которой ведете речь в своем трактате «О сочетании слов» Дионисий Галикарнасский, замечая, что такова «всякая размеренная речь, являющая поэтичность и напевность; ею-то и пользовался Демосфен» [Дионисий Галикарнасский, 1978, с. 214].

Поэтичность скорининских переводов проявлялась не только в соблюдении стилистических и ритмико-интонационных особенностей поэтических книг Библии. Переводчик внимательно следил за сочетанием буквального и символического значения сравнений, что подчеркивает уровень его эстетического восприятия и авторского самосознания. А ведь предмет эстетического восприятия автора может, «включаясь в другие культурно-художественные контексты, раскрываться невидимыми ранее аспектами, новым содержанием» [Королев, 2010, с. 94]. В ряду выявленных нами примеров приведем помещенный в Книге Иова, 7:2. За исключением скорининского, во **всех** изветных переводах Библии содержание данного стиха следующее: «Как **раб** жаждет в тень и как наемник ожидает конца работы своей». У Скорины же читаем: «Яко **елень** жадаеть хладу и яко наемникъ ожидаетъ конца делу своему» [Книга Иова, 2014, с. 58]. Очевидно, насколько гуманистической (и поэтической!) является позиция переводчика в данной замене. Это не просто мировоззренческая позиция неприятия рабства, но и отсылка читателя к псалму 41:2: «Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя к Тобе, Боже». Не исключено, что к переосмыслению данного стиха Скорину подтолкнул чешский перевод 1506 г., где вместо «раб» уже находим «слуга»: «*Jakožto slúha žádá stijenu, yakožto nágemnijĵ očzekawá konce práce*» (в Вульгате, по которой сделан чешский перевод 1506 г.: «*Sicut servus desiderat umbram*» – ‘Как раб/невольник жаждет в тень’). Такое новшество Ф. Скорины, несомненно, свидетельствует о сознательном обращении к методу аллегорической амплификации.

Поэтическая составляющая гимнографии Ф. Скорины

Наиболее полно талант Ф. Скорины как версификатора раскрылся в гимнографических произведениях – акафистах из «Малой подорожной книжки» (1522). Большая часть этих произведений, вероятно, все же является переводами, а не оригинальными творениями, как утверждает Е. Немировский [Немировский, 1990, с. 451]. Даже если признать, что просветитель был автором только отдельных акафистов, само их составление требовало большого художественного мастерства и немалой практики версификации, а вне этого – знания теории составления подобных произведений. Христианская поэзия (псалмодия) во многом наследовала священной еврейской поэзии, откуда, в частности, были ею заимствованы аллитерация, созвучия, рифма, игра слов, параллелизм [Попов, 1903, с. 13].

Центральным жанром византийской гимнографии, как известно, был канон, создававшийся согласно норм античной метрики. Полный разрыв с последней связан с именем Романа Сладкопевца, создавшего новые поэтические жанры – кондак и икос. Их сочетание «дало в высшей степени гибкую поэтическую форму, которая открывала большие возможности для выражения эмоций» [Фрейберг, Попова, 1968, с. 26]. Рассуждая о гимнах Романа Сладкопевца (Мелодиста в западной традиции), С. Аверинцев отмечает, что с точки зрения византийской риторической традиции (строгое соблюдение норм античной метрики, основанной на счете длинных и кратких слогов) они представляют «явление, непроницаемое для мыши византийского ритора и постольку для нее не существующее» [Аверинцев, 2004, с. 308]. Разрыв с античной традицией имел мировоззренческий характер, поскольку «только псалмы и другие священные песни ветхозаветные имели свойство духовности, – свойство, особенно присущее песнотворчеству христианскому» [Попов, 1903, с. 6]. Даже само пение псалмов рассматривалось как завет пророков, освященный примером Христа и апостолов [Попов, 1903, с. 3–4]. Практика песенного исполнения икосов с точки зрения фоники и мелодики несомненно отличалась от речитатива молитвы. Поэтому в икосах рифма могла иметь приблизительный характер: требовалось не столько наличие рифмы, сколько совпадение 2-4 финальных звуков (похваление – воздержание, подателю – губителю, вышото – красото и т. д.), которые благодаря мелодике распевы создавали у слуша-

теля иллюзию рифменной гармонии. Например, слова из 3-го икоса «Акафиста св. Архангелу Михаилу» при распеве могли бы выглядеть следующим образом (жирным шрифтом выделены основные ударения, курсивом – дополнительные мелодийные; знаки ↑ и ↓ указывают на восходящую и нисходящую интонацию):

Радуйся, мудрых самотворче повеле-ений(↓),
Радуйся, Божихъ об'явителю сведение-ей(↑)!
[Книжная спадчына, 2017, с. 55].

«Радуйся!» априори находится под сильным ударением, а у «повелений» и «сведений» на последнем слоге появляется дополнительное, мелодийное ударение, создающее иллюзию рифмы. Таким образом изосиллабический стих стремится к упорядочиванию системы ударений, что создает между ним и силлабо-тоническим определенное подобие.

К проявлениям тонизма у Скорины (ударение падает на слово, а не на слог), следует отнести и то, что логическое ударение в хайретизмах икосов очевидно падает на первое и, как правило, последнее слово:

Радуйся, пророком славно похваление,
радуйся, постникомъ сладкое воздержание!
[Книжная спадчына, 2017, с. 60].

Данный факт связан, вероятно, с тем, что большая часть кондака изначально исполнялась в форме речитатива, поэтому текст между «радуйся!» и последним словом строки произносился скороговоркой. Однако оригинальное музыкальное сопровождение кондаков теперь утрачено [Lash 1995, с. 1–12].

В икосах количество слогов, как правило, не превышает 20, что придает им легкость поэзии. В «Акафисте Гробу Господнему» имеются примеры 28- и 27-слового изосиллабического стиха с дактилической рифмой, близкого к «тяжелой» прозе. Здесь цезура находится после 12-го и 11-го слогов соответственно, послецезурные части имеют по 16 слогов. Это практически идеальный образец изосиллабического стиха, созданного по принципу параллелизма членов: «Радуйся, светоносный Гробе Господень, // яко тобою позна Петръ Христово воскресение! / Радуйся, преславны крове Божию, // яко в тебе содеаея всемирное спасение!» [Книжная спадчына, 2017, с. 15].

Эксперименты Ф. Скорины с силлабикой и тоникой свидетельствуют о потенциале подобного стихосложения на восточнославянских языках. Это подтверждается и отрывком из молитвы после «Канона ко Гробу Господнему», первые

строки которой могут быть отнесены к силлаботоническим стихам: «Царю всехъ и *Створителю*, / Боже мой и *Спасителю!* / Тебе *величаю*, / Тебе *молюся*, / Тебе *прославляю* / и пред Тобою недостойный *припадаю...*» [Кніжная спадчына, 2017, с. 46–47].

В финале молитва переходит в акцентный стих, где, как известно, регулируется только количество ударений, а количество безударных варьируется в границах, естественных для определенного языка (у Скорины 1-3; жирным шрифтом выделено основное ударение, курсивом – дополнительное): «(даруй ми) грехомъ отпущение, / тела здравие, / ума просвещение, / печали избавление, / недуга исцеление, / на земли почтливое хлебокормление, / от неволю вражии избавление» [Кніжная спадчына, 2017, с. 48].

Выводы

В предисловиях Ф. Скорины к переводам книг Библии последовательное объяснение библейских истин в стихотворной форме было нецелесообразно: такая форма подачи потребовала бы от реципиента иного – абстрактного, отвлеченного, а не контретно-вещного – восприятия. Поэтому стиховые структуры скорининских предисловий весьма близки к наиболее традиционным для простого человека формам тонического стихосложения – говорному акцентному стиху с рифмовкой. К приемам тонического и силлабического стихосложения Скорина обращается с целью лиризации, акцентуации внимания на важных смыслах (родина, псалом, родной язык, жертвенность).

В случае библейного стиха в своих переводах Скорина мог широко экспериментировать и помещать варианты переводов отдельных стихов. В кондакарном же стихе акафиста такой возможности у него не было, здесь автор имел дело с заданной формой. Новации были допустимы лишь со стороны ритмики – в виде смещения цезуры и вариаций клаузулы.

Имплицитная составляющая авторского самосознания Ф. Скорины имеет дуалистическую природу: информация, представленная непосредственно в тексте произведения, может быть воспринята адекватно только в сочетании с внетекстовой, вытекающей из культурного контекста и служащей своеобразным объяснением авторского новаторства или традиционности.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. Беркаў П. Ф. Скарына і пачатак усходнеславянскага вершаскладання // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск : Навука і тэхніка, 1968. С. 245–262.
3. Грынчык М. М. Ля вытокаў беларускай сілабікі // Спадчына Скарыны: зб. мат-лаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986). Мінск : Навука і тэхніка, 1989. С. 140–145.
4. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 167–221.
5. Забродина Г. Д., Кирыюшкина В. В. Авторское самосознание в системе культуры: проблемы определения и типологии // Международный научный журнал “Общество: философия, история, культура”. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-samosoznanie-v-sisteme-kultury-problemy-opredeleniya-i-tipologii/htm> (дата обращения: 13.05. 2021).
6. Кніга Іова // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 6. Мінск, 2014. 138 с.
7. Кніга Лявіт // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 3. Мінск, 2014. 151 с.
8. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). Москва : Языки русской культуры, 2000. 199 с. (Studia philologica).
9. Королев М. Ю. Авторское сознание и художественное творчество // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2010. № 3. С. 93–98.
10. Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. 869 с.
11. Лихачев Д. С. Поэтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII веков / РАН. Ин-т философии. Москва : Ладомир, 1996. С. 57–94, 375–389.
12. Малая падарожная кніжка // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 19. Ч. 2. Мінск, 2017. 495 с.
13. Мирошниченко Н. М. Автор и авторское сознание как литературоведческие категории // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сб. Вып. 27(84). Симферополь : Бизнес-информ, 2014. С. 110–128.
14. Немировский Е. Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск : Мастацкая літаратура, 1990. 597 с.

15. Олесницкий А. Ритм и метр ветхозаветной поэзии // Труды Киевской духовной академии. 1873. Т. 3. С. 501–592.

16. Попов А. В. Православные русские акафисты. Казань, 1903. 624 с.

17. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. Москва : Высшая школа, 2004. С. 68–81.

18. Скарына Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафисты, пасхалія. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 208 с.

19. Фрейберг Л., Попова Т. Византийская литература IV–VI вв. // Памятники византийской литературы IV–IX вв. Москва : Наука, 1968. С. 7–37.

20. Шендельс Е. И. ИмPLICITНОСТЬ в грамматике // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Лингвистика текста. Вып. 112. Москва, 1977. С. 109–210.

21. Biblia Brzeska 1563. NJ – Kraków : Clifton, 2003. XXXII+1130+222 s.

22. Lash Ephrem, Archimandrite. St. Romanos the Melodist // On the Life of Christ. San Francisco : Kontakia, 1995. P. 1–12.

Reference list

1. Averincev S. C. Pojetika rannevizantijskoj literatury = Poetics of early Byzantine literature. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. 480 s.

2. Berkaŭ P. F. Skaryna i pachatak ushodneslavjanskaga vershaskladannja // 450 god belaruskaga knigadrukavannja. Minsk : Navuka i tjechnika, 1968. S. 245–262.

3. Grynchik M. M. Lja vutokaŭ belaruskaj silabiki // Spadchyna Skaryny: zb. mat-laŭ pershyh Skarynaŭskih chytannjaŭ (1986). Minsk : Navuka i tjechnika, 1989. S. 140–145.

4. Dionisij Galikarnasskij. O soedinenii slov = On the connection of words // Antichnye ritoriki / pod red. A. A. Taho-Godi. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. S. 167–221.

5. Zabrodina G. D., Kirjushkina V. V. Avtorskoe samosoznanie v sisteme kul'tury: problemy opredelenija i tipologii = Author' self-consciousness in the cultural system: problems of definition and typology // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal "Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura". URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-samosoznanie-v-sisteme-kul'tury-problemy-opredeleniya-i-tipologii/htm> (data obrashhenija: 13.05. 2021).

6. Kniga Iova // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae žyňaŭenne. T. 6. Minsk, 2014. 138 s.

7. Kniga Ljavit // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae žyňaŭenne. T. 3. Minsk, 2014. 151 s.

8. Konjavskaja E. L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV v.) = Author's identity of the Old Russian scribe (XI – middle

of XV century). Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 199 s. (Studia philologica).

9. Korolev M. Ju. Avtorskoe soznanie i hudozhestvennoe tvorcestvo = The author's consciousness and artistic creativity // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. 2010. № 3. S. 93–98.

10. Levshun L. V. O slove preobrazhennom i slove preobrazhajushhem: teoretiko analiticheskiy ocherk istorii vostochnoslavjanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov = On the transfigured word and the transfiguring word: a theoretical analytical essay on the history of the East Slavic written word XI–XVII centuries. Minsk : Belorusskaja Pravoslavnaja Cerkov', 2009. 869 s.

11. Lihachev D. S. Pojetika literatury = Literary poetics // Hudozhestvenno-jesteticheskaja kul'tura Drevnej Rusi XI–XVII vekov / RAN. In-t filosofii. Moskva : Lodomir, 1996. S. 57–94, 375–389.

12. Malaja padarozhnaja knizhka // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae žyňaŭenne. T. 19. Ch. 2. Minsk, 2017. 495 s.

13. Miroshnichenko N. M. Avtor i avtorskoe soznanie kak literaturovedcheskie kategorii = The author and author' s consciousness as categories of literary criticism // Voprosy russkoj literatury: Mezhdvuzovskij nauchnyj sb. Vyp. 27(84). Simferopol' : Biznes-inform, 2014. S. 110–128.

14. Nemirovskij E. L. Francisk Skorina: Zhizn' i dejatel'nost' belorusskogo prosvetitelja = Francysk Skaryna: life and work of the Belarusian humanist. Minsk : Mastackaja literatura, 1990. 597 s.

15. Olesnickij A. Ritm i metr vethozavetnoj poezii = Rhythm and meter of Old Testament poetry // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. 1873. T. 3. S. 501–592.

16. Popov A. V. Pravoslavnye russkie akafisty = Russian Orthodox akathists. Kazan', 1903. 624 s.

17. Prozorov V. V. Avtor = Author // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy / pod red. L. V. Chernec. Moskva : Vysshaja shkola, 2004. S. 68–81.

18. Skaryna F. Tvorы: Pradmovy, skazanni, pasljasloŭi, akafisty, pashalija. Minsk : Navuka i tjechnika, 1990. 208 s.

19. Frejberg L., Popova T. Vizantijskaja literatura IV–VI vv. = Byzantine literature of the IV–VI centuries // Pamjatniki vizantijskoj literatury IV–IX vv. Moskva : Nauka, 1968. S. 7–37.

20. Shendel's E. I. Implicitnost' v grammatike = Implicitness in grammar // Sb. nauchnyh trudov MGPIIJA im. M. Tореца. Lingvistika teksta. Vyp. 112. Moskva, 1977. S. 109–210.

21. Biblia Brzeska 1563. NJ – Kraków : Clifton, 2003. XXXII+1130+222 s.

22. Lash Ephrem, Archimandrite. St. Romanos the Melodist // On the Life of Christ. San Francisco : Kontakia, 1995. R. 1–12.